

А.В. УРМАНОВ

профессор кафедры русского языка и литературы БГПУ

ОБРАЗЫ ГЛАСНЫХ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ БЛАГОВЕЩЕНСКА В СТИХОТВОРНЫХ ФЕЛЬЕТОНАХ Ф. ЧУДАКОВА

Один из самых любимых приёмов Фёдора Чудакова-фельетониста – каламбур, остроумное обыгрывание сходно звучащих слов, позволяющее создавать яркий иронический или комический эффект. В «Опыте Благовещенского энциклопедического словаря», который печатался в нескольких номерах выходявшего в 1909–1910 гг. сатирического журнала «Колючки», Чудаков применяет его, в шутивно-язвительной форме объясняя читателям значение слова «гласный»: «*Гласный* – в большинстве случаев существо безгласное, когда речь идёт о правах бедноты, и громогласное, когда речь заходит о собственных интересах» [3, № 4/5, с. 17].

Наверное, не каждый современный читатель в состоянии понять авторскую иронию, так как слово «гласный» в данном значении вышло из речевого обихода более века назад. Поясним: гласные в предреволюционной России – это выборные члены городских дум с правом решающего голоса (такого права не имели так называемые кандидаты в гласные, постепенно заполнявшие освобождающиеся места). О том, почему гласные городской думы не отстаивали интересы «бедноты», забывали о нуждах обычных горожан, Чудаков поведал в фельетоне «Полюбовный раздел», который под псевдонимом *Амурец* был опубликован в газете «Амурское эхо» 24 апреля (7 мая) 1916 года.

Произведение, имеющее жанровое обозначение «Шутка», предваряет следующая преамбула – реплика не названного автором лица: «*Это произошло потому, что на заседании не было моих гласных. (Из беседы)*».

Если упомянутая беседа – не вымысел, и автор либо сам в ней участвовал, либо прочитал или узнал от кого-то о ней, то не

очень понятно, почему Чудаков не озвучил имя того, кто считал себя владельцем «душ» выборных членов думы. Судя по всему, он пошёл на это сознательно, ибо смысл его произведения состоит не в том, чтобы уличить, вывести на чистую воду кого-то из закулисных «хозяев» Благовещенска, а в том, чтобы обратить внимание читателей на существенные изъяны российской избирательной системы, обеспечивающей интересы исключительно класса собственников.

В начале фельетона на примере выборов гласных Благовещенской городской думы автор в самом общем виде показывает механику действия этой системы:

Выбирали горожане,
«Избиратель» выбирал,
Но случился (как и ране)
Неожиданный финал.
Вмиг, – едва места заняли
Свежешитые «отцы»,
Мигом их в аренду сняли
Расторопные дельцы [1].

Обратим внимание, что за первой строкой: «Выбирали горожане», через запятую, идёт вторая, уточняющая, конкретизирующая то, о чём сообщается в первой: «“Избиратель” выбирал». В чём смысл этого уточняющего повтора и почему слово «избиратель» заключено в кавычки? Для того чтобы понять это, современный читатель должен иметь представление об особенностях избирательной системы, действовавшей в царской России на муниципальном уровне.

«Избиратель» в данном контексте – не то же самое, что значит это слово сегодня. Тогдашние «избиратели» – весьма узкий круг лиц, имеющих право избирать органы городского общественного самоуправления – думу и (опосредованно) формируемую ею управу. Гласные, как известно, избирались сроком на четыре года на заседании созываемого городской управой Избирательного Собрания. В Благовещенске, например, такие выборы проходили в 1908, 1912 и 1916 гг. И всегда, во всех слу-

чаях в думе оказывались по преимуществу не полномочные представители широкой городской общественности, а некие, как выражается фельетонист, *свежесшитые «отцы»*. Кавычками автор задаёт дополнительную ироническую окраску слову «отцы»: в данном речевом контексте оно имеет негативную коннотацию, так как ассоциируется с раболепным, самоуничужительным оборотом *отцы вы наши и благодетели*, которое применялось при обращении представителей низших сословий к богатым и сановникам.

Согласно статье 24 Городового положения 1892 года (именно оно определяло порядок и процедуру муниципальных выборов) [5], избирать гласных могли владельцы недвижимого имущества (для таких городов, как Благовещенск, стоимостью не менее 1000 рублей – сумма по тем временам немалая), а также лица, содержащие в городе торгово-промышленные предприятия (для губернских и областных городов – купцы 1 и 2 гильдий). Кроме того, согласно той же статье, через своих представителей право участвовать в выборах имели благотворительные, учебные и правительственные учреждения (кроме полицейских и религиозных), владеющие на правах собственности недвижимостью. Ну и, наконец, таким правом обладали представители обществ, товариществ и компаний, имеющих в собственности торгово-промышленные предприятия. Закон позволял владельцам торговых и промышленных предприятий иметь по два голоса – и как частным домовладельцам, и как хозяевам компаний и товариществ. Подавляющее же число обычных горожан не имели и одного голоса, не участвовали в муниципальных выборах и не могли быть избраны в органы общественного самоуправления.

В результате, в числе гласных обычно оказывались либо крупные собственники, наиболее состоятельные купцы, промышленники, либо собственники средней руки, охотно идущие в услужение к первым, так как с ними их сближала общность интересов. О том, как «расторопные дельцы», то есть главные городские богатеи, снимают «в аренду» новоизбранных думских гласных, речь идёт во второй части фельетона:

«Пять моих!» – спиртозаводчик
Отсчитал и прочь пошёл.
«Десять!» – крикнул пароходчик.
«Двадцать!» – рывкнул мукомол.
Остальных сейчас же рьяно
Расхватали, кто успел:
И владелец ресторана,
И мясник, и маслодел [1].

В представлении Ф. Чудакова, в Благовещенске основными «скупщиками» и «арендаторами» гласных, то есть подлинными хозяевами города, были три категории купцов и промышленников: мукомолы, пароходчики и спиртозаводчики. Каждой из них сатирик посвятил немало произведений, причём чаще и язвительней всего он писал об амурских мукомолах, наживавшихся за счёт грабительских цен: «Накись дня (Сошлись и заспорили...)» (Эхо. 1912. № 1013), «Слово о зерне» (Амурское эхо. 1916. № 455), «Положеньице!» (Амурское эхо. 1916. № 536), «Мукомол» (Амурское эхо. 1916/1917. № 545), «Почему мука стоит девять рублей» (Дятел, беспартийный. 1918. № 1) и т.д. Немало фельетонов посвящено и местным пароходчикам: «Амурскому пароходчику» (Эхо. 1913. Прибавление к № 1374), «Чемпион» (Эхо. 1913. № 1426), «Реквием» (Эхо. 1913. № 1440), «Письмо без адреса» (Амурское эхо. 1916. № 522) и др. Представлены в ряде фельетонов Чудакова также производители и торговцы алкоголем: «10 000 бутылок. Ода, посвящаемая гласному Ождженскому» (Эхо. 1914. № 1760), «О пиве и прочем» (Эхо. 1915. № 1787), «Рыцарь без страха, но с упрёком» (Амурское эхо. 1916. № 325) и т.д.

По мнению фельетониста, значительная часть гласных городской думы Благовещенска находится «на кормлении» у наиболее состоятельных промышленников и купцов. Поэтому все они, так или иначе, отстаивают интересы главных богатеев – тех, кто участвует в делёжке городского бюджетного «пирога». Что касается обычных, малоимущих горожан, то в думе представлять их интересы попросту некому:

«Избиратель» только хлопал
Левым ухом по плечу,
А потом ногой затопал:
«Что же я-то получу?
Что я – нищий? иль заморыш?
Что ж пришлось на мой конец?» [1].

Избранные по существующему законодательству гласные в принципе не могли быть «слугами народа», тем более «бедняков», так как от них не зависели и в малой степени. На чью же поддержку могли рассчитывать обычные горожане? Иронический ответ автора на этот вопрос звучит в финальном двустишии:

Лишь один Сюткин – сторож
Да пожарный жеребец [1].

Иначе говоря, ни на чью. Все гласные – богатеи или те, кто «арендован» богатеями, поэтому простым «избирателям» надеяться не на кого, разве что на Сюткина – сторожа, охранявшего здание городской думы Благовещенска. Подразумеваемый автором фельетона другой (более известный) обладатель названной фамилии – Сюткин Федот Николаевич (1883–1918), гласный городской думы Благовещенска, политический и общественный деятель, член большевистской партии с 1915 г., председатель I, IV, V крестьянских съездов Амурской области. После революции 1917 г. – секретарь Благовещенского большевистского комитета, секретарь исполкома Благовещенского Совета, зам. председателя областного Совета рабочих и солдатских депутатов, член облисполкома, комиссар продовольствия. В 1918-м избран от Амурской области во ВЦИК. Казнён белогвардейцами в Благовещенске в начале декабря 1918 года. Федот Сюткин упоминается в фельетонном цикле Ф. Чудакова «Песнь о Кульдурском ключе» (январь-февраль 1918 года).

Состоя на службе у «арендовавших», скупивших их на корню «хозяев» – мукомолов, парходчиков, пивоваров, вла-

дельцев винных заводов и лавок, гласные городской думы Благовещенска выступали сплочённой командой, когда голосовали за выделение бюджетных средств не на благоустройство в непогоду утопавшего в грязи города, а на создание всё более комфортных условий для самих себя. Так, например, Ф. Чудаков не раз откликнулся на скандальное решение Благовещенской городской думы выделить из средств муниципального бюджета немалую по тем временам сумму – 500 рублей – на замену вполне ещё пригодных гардин и штор в зале заседаний: «День итогов» (Эхо. 1912. № 938), «Надобность?» (Эхо. 1912. № 947) и др. Одно из первых произведений на эту тему – фельетон в рубрике «Накипь дня», под псевдонимом *Гуслия* опубликованный в газете «Эхо» 29 ноября (12 декабря) 1911 года.

В зачине автор сообщает читателям о факте, который побудил его взяться за перо: о решении гласных городской думы выделить крупную сумму отнюдь не на то, в чём остро нуждаются горожане:

В думских недрах
Много щедрых,
Расточительных господ.
Вот их меры:
На портьеры
Ассигновано пятьсот [6].

В этой части произведения ирония почти не ощущается. Едва ли не единственное, что заставляет почувствовать подвох – упоминание о «расточительности» гласных. Если бы не это, то «щедрость» думских «господ» вполне могла быть принята «наивным» читателем за чистую монету.

Во второй же строфе автор переводит повествовательный регистр в откровенно ироническую тональность: здесь гласные представлены в смешном, почти карикатурном виде: оказывается, немалая часть общегородского бюджета потрачена ими ради того, чтобы показать «дулю», то есть фигуру из трёх пальцев, припекающему их пухлые щёки светилу:

Чтобы солнце
Сквозь оконца
Пухлых щёк не припекло,
Натянули
Солнцу «дулю»:
Ну-ка, жарь теперь в стекло! [б]

Усиливая комический эффект, автор как бы проникается заботами радеющих о собственном благе гласных, притворно сочувствует им и предлагает не останавливаться на достигнутом. Более того, он даже подсказывает, на что ещё думские пухлощёкие любители комфорта могут потратить оставшиеся бюджетные средства:

Чтобы с блеском
По повесткам
Гласных в думу вызывать, –
Бюллетени
На велене-
Вой бумаге издавать [б].

Веленевая бумага, велень (от фр. *vélin* – тонко выделанная телячья кожа) – дорогой, высокосортный, изготавливаемый из кожи млекопитающих материал для печати, подобие пергамента. Автор фельетона, отталкиваясь от факта выделения гласными крупной суммы на шикарные портьеры для думского зала заседаний, подсказывает «народным» избранникам, что эти самые портьеры требуют и в остальном выдерживать заданный уровень роскоши и «блеска». Что называется, гулять, так гулять!

Используя приём иронической градации, в заключительной части фельетона автор предлагает думским гласным не скромничать и превратить зал заседаний в подобие великосветского салона или даже царских покоев. Для этого потерявшим всякое стеснение «депутатам» остаётся, по мнению фельетониста, не так уж много:

Кресла, стулья
В думском улье

Обтянуть парчой, обить.
Чтоб не вытер
Лорд-мэр Питер
Свой лорд-стул –
Позолотить [6].

Лорд-мэр Питер, которому автор предлагает позолотить его «лорд-стул», – это Пётр Петрович Попов, в 1911–1914 гг. городской голова (лорд-мэр) Благовещенска, персонаж многих сатирических произведений Чудакова: эпиграммы «Пыль в глаза» (Эхо. 1913. Прибавление к № 1318), фельетонов «Предвыборное раздумье» (Эхо. 1913. Прибавление к № 1435), «Блины с гарниром» (Зея. 1914. № 4) и др.

Необыкновенно «щедрая» и сплочённая, когда дело касается собственных «барских» прихотей, городская дума с таким же завидным единодушием отклоняла просьбы выделить деньги на многие социально значимые проекты: учителям, планировавшим поездку на курсы повышения квалификации, периодическим изданиям, отражавшим повседневную жизнь областного центра, училищам и библиотекам на приобретение художественной и учебной литературы и т.д.

Одному из таких случаев посвящён фельетон «Разговор», под псевдонимом *Амурец* напечатанный в «Эхе» 5 (18) января 1914 года. Произведение это – отклик на решение думы Благовещенска отказать в субсидии журналу «Городское дело».

На этот раз фельетонист избирает иной путь создания иронического эффекта – не взгляд извне, не стороннюю оценку, а «реконструкцию» сознания гласных. Автор как бы приглашает читателей стать свидетелями разговора, в котором принимают участие гласные городской думы. Эта воображаемая сценка не содержит каких-либо авторских «ремарок» или оценочных суждений. Имена участников воображаемого разговора, скорее всего, вымышленные, условные. Чудаков, в качестве репортёра газеты «Эхо» не раз присутствовавший на заседаниях городской думы, видевший, хорошо знавший практически всех благовещенских гласных, часто писавший о них по разным поводам, в данном случае не ставит задачи показать каких-то конкретных

думских деятелей, сделать их «узнаваемыми», не стремится к достоверному воссозданию (при желании это, наверное, нетрудно было бы сделать) самого хода заседания, на котором было принято возмутившее журналистскую общественность Благовещенска решение.

Выстраивая воображаемый разговор, фельетонист исходит из элементарной логики: подобное решение, на его взгляд, могли принять лишь люди ограниченные, невежественные, боящиеся свободного слова, противники гражданского общества, то есть, как любил выражаться Ф. Чудаков, настоящие мастодонты, примитивные, пещерные существа. Именно такими он и «показывает» гласных читателей, с помощью творческой фантазии реконструируя ход и саму логику их рассуждений:

«Пётр Иваныч! Пров Пахомыч!
Эй, потише, земляки!
Оказать нас просят помощь –
Так, немножко, пустяки!»
«Помощь? Вот ведь черти носят!
Век от них покою нет!
А на что такое просят,
На какой такой предмет?»
«Так что, вроде как газета,
Называется – журнал.
Но вобщем я дело это
Толком не обмозговал!» [2].

Персонажей фельетона нет нужды «разоблачать», они с успехом делают это сами, в первую очередь, принятием данного решения: оно – безусловный факт, данность, автор здесь ничего не придумывает, не приписывает, не искажает, даже избегает прямых оценок. Во-вторых, герои сами развенчивают себя, в прямой речи демонстрируя своё интеллектуальное убожество, ограниченность кругозора, тупое самодовольство вкупе с пренебрежительным отношением к общественному мнению, к нуждам горожан. Но реплики участников думского «разговора» – явно не из стенограммы заседания, это в большей степени плод художественного вымысла или, правильнее сказать, авторского

предположения, авторской «реконструкции». С другой стороны, Ф. Чудаков, моделируя сценку в городской думе, очевидно, отталкивается от собственных впечатлений: воспроизводит особенности речи вполне себе реальных гласных – благовещенских купцов, по преимуществу малообразованных. И, в большинстве своём, консерваторов, принципиальных противников социального прогресса. Один из таких ретроградов и невежд и предстаёт в фельетоне во всём своём «блеске» – имеется в виду гласный, не понимающий разницы между газетой и журналом («Так что, вроде как газета, / Называется – журнал»), использующий просторечие «вобщё». Казалось бы, для избранных в городскую думу – очевидно, авторитетных, относящихся, как писал Ф. Чудаков в фельетоне «Гоголевский юбилей» (1909), к «сливкам общества», это предел, ниже которого падать некуда... Однако следующий вступающий в «разговор» гласный демонстрирует ещё большее невежество и ещё более впечатляющее мракобесие:

«Что? Газета? Скрипаденты?
Это те, которых – бить?
Это всякие скуденты?
В шею! С лестницы спустить!» [2].

Слова *скрипаденты* и *скуденты* заставляют вспомнить такое специфическое языковое явление, как «народная этимология». Под народной этимологией обычно подразумевается такая переделка фонеморфологической структуры непонятных представителям малообразованных слоёв общества слов, которая сближает их с более привычными словами как фонетически, так и по значению, что и позволяет осмыслить их [4, с. 37].

Под *скрипадентами* персонаж подразумевает, судя по всему, корреспондентов – то есть тех, кто, по его разумению, лишь скрипит перьями – пишет пасквили, фельетоны, кто суёт свой нос куда не следует, например, проливает свет на деятельность городской думы. По такой же словообразовательной модели образовано слово *скуденты* – так именуются студенты: они, в глазах одного из гласных (очевидно, купца), должны быть

презираемы уже в силу их бедности, скудности их материального положения, а также по причине явного «скудоумия», мешающего им заняться настоящим, реальным делом и перестать сеять смуту. Одной мысли о *скрипадентах* и *скудентах*¹, то есть о тех, кто стремится рассказать или узнать о «городских делах», иначе говоря, о том, чем занимаются участники «разговора», оказывается достаточно, чтобы спровоцировать вспышку настоящей ярости, по первому ощущению – не вполне объяснимой, чрезмерной: «Это те, которых – бить? <...> В шею! С лестницы спустить!» Что так разозлило одного из «отцов» города, что вывело его из состояния равновесия? Очевидно, то же самое, что вынуждает гласных отказать в субсидии журналу «Городское дело»: боязнь гласности, общественного контроля, нежелание отчитываться в своих делах перед избирателями, перед гражданским обществом. Иначе говоря, гласные, представляющие интересы господствующих классов, противятся всему, в чём усматривают покушение на свои сословные, корпоративные привилегии. Независимая печать, свободное слово, просвещение, люди, тянущиеся к знаниям и прогрессу, потому и вызывают у них раздражение и ярость, что в них они видят для себя угрозу. А потому и уповают на невежество, как на надёжную защиту от пугающих их перемен. Фельетонист сталкивает две точки зрения на то, нужно ли стране, городу (и самим гласным) просвещение, периодическая печать, образованные люди. Первая – осторожное предположение (со ссылкой на стороннее мнение), что владеть грамотой, читать полезно и самим гласным, вторая – категоричное утверждение, что это опасное заблуждение:

«Так что, я, по слухам частным,
Слышал раз такую суть:

---

¹ Интересно отметить, что видный сибирский журналист Михаил Басов, знавший Чудакова по совместной работе в газете «Амурское эхо», свидетельствует: у амурского сатирика было прозвище «лохматый студент» (см.: *Басов М. Ф.И. Чудаков // Сибирские огни. 1922. № 1. С. 158–161*).

Почитать подчас и гласным
Не мешает что-нибудь!»
«Что-о? Храни нас Бог подале,
Нас, и жён, и всех родных.
Наши деды не читали,
Мы-то, что ж, умнее их?!» [2]

В финальных строчках, подводя итог думскому обсуждению, ведущий заседание (скорее всего, автор имеет в виду упомянутого выше П.П. Попова, тогдашнего «лорд-мэра» Благовещенска, который чаще всего и председательствовал на заседаниях думы) солидаризируется не только с противниками свободного печатного слова, но и с откровенными мракобесами, готовыми отстаивать свои привилегии и свою неподконтрольность обществу любыми средствами, включая грубую физическую силу:

«Так что, значит, на отказе
Все согласны? Так и быть! –
Отказать во всяком разе!
А при случае – побить!» [2].

Рассмотренные фельетоны свидетельствуют о том, что на протяжении всего предреволюционного десятилетия деятельность органов общественного самоуправления Благовещенска была в центре внимания самого яркого сатирика Приамурья. Произведения эти, как правило, являются откликом на конкретные решения думы, на ставшие достоянием гласности поступки или заявления гласных. Сатирик не боится по именам называть оскандалившихся «депутатов», в смешном виде выставляет пренебрегающих общественным мнением деятелей, в том числе широко известных в городе, не щадит самолюбия и самого «лорд-мэра». Но при этом не делает это самоцелью, не замыкается на частностях. Напротив, через конкретные случаи он стремится высветить, заострить общие, социально, государственно значимые проблемы. Сверхзадача сатирика – не «обличение», не «высмеивание» как самоцель, а «оздоровление» об-

щества, «излечение» его от разного рода «недугов». По этой причине главным приёмом сатирической типизации в стихотворных фельетонах Ф. Чудакова всегда остаётся ирония.

Литература

1. *Амурец (Чудаков Ф.)*. Полюбовный раздел. *Шутка* // Амурское эхо. 1916. 24 апреля (7 мая). С. 3.

2. *Амурец (Чудаков Ф.)*. Разговор // Эхо. 1914. № 1504. 5 (18) января. С. 4.

3. *Босяк (Чудаков Ф.)*. Опыт Благовещенского энциклопедического словаря // Колючки. № 4/5. 1909. 6 декабря. С. 16–17; № 6. 1910. 16 января. С. 14; № 7. 1910. 24 января. С. 8.

4. *Введенская Л.А., Колесников Н.П.* Этимология: учебное пособие. СПб.: Питер, 2004. 221 с.

5. Городовое положение. 11 июня 1892 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. XII. № 8708. С. 430–456. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/grd1892.htm>. 17.02.2019.

6. *Гусляр (Чудаков Ф.)*. Накипь дня (В думских недрах...) // Эхо. 1911. № 913. 29 ноября (12 декабря). С. 3.